

«Театр не приносит ничего, кроме удовольствия»

Сьюзен ХОУАРД

Актерские пробы

Сериал «Баффи» сделал Джеймса Марстера культовой знаменитостью. Театральный актер, режиссер и музыкант, поклонник Шекспира и Чехова неожиданно для себя стал «самым сексуальным человеком на телевидении». Недавно фанаты купили в «Variety» полосу и опубликовали на ней благодарности актеру, который за шесть лет провел своего героя от абсолютного зла к абсолютному добру.

Сейчас Марстерс гастролирует по Европе со своей рок-группой Ghost of the Robot, а с 24 июля начинает съемки в сериале «Ангел», который «отвечивался» от «Баффи» в 1999 году.

— Что доставляет вам наибольшее удовольствие — режиссура, пение или актерская игра?

— Мне трудно отдать чему-либо предпочтение. Пение перед публикой для меня в новинку, я еще не привык, поэтому мне страшно, а я люблю, когда мне страшно. Честное слово. Я слишком долго работал в театре и на телевидении, чтобы чего-то бояться. Прошел через все. И если заряженный холостым патроном пистолет отказывается стрелять, и если на сцене случайно разбивают стекло, и приходится останавливать спектакль, потому что половина актеров играет босиком. На сцене я не нервничаю. А перед каждым концертом нервничаю, и когда все заканчивается хорошо, вздыхаю с

полностью тебя выжимает. Режиссер маленькой независимой театральной компании — это еще и рабочий сцены, и гардеробщик, и уборщик, и кассир. И к тому же нужно работать где-то еще, чтобы зарабатывать на жизнь. Театр не приносит денег. Он не приносит ничего, кроме удовольствия.

— Какой из ваших постановок вы больше всего гордитесь?

— Десять лет назад в Сиэтле мы сделали новую сценическую адаптацию пьесы «Жизнь есть сон» Кальдерона Де Ла Барки. Мне повезло — я познакомился с человеком, который одновременно занимался театром и испанским языком. Он написал диссертацию об этой пьесе. Благодаря ему мы смогли познакомиться с дословным переводом оригинала и обнаружить, что английские переводчики допустили очень много неточностей и вольностей. Ряд сцен был изъят, ряд — добавлен. Мы впервые поставили эту пьесу на английском в том виде, в каком ее задумал дра-

уже получила свою роль.

— Создатель сериала Джосс Уидон говорил, что ваш персонаж Спайк стал самым неожиданным элементом сериала.

— Да, он действительно не вписывался в общую концепцию. Тема сериала — ужасы и радости взросления. Я был уверен, что меня скоро увокошат. Вначале меня предупредили, что я снимусь в трех-пяти эпизодах. Джосс говорил мне: «Ты особо не обживайся здесь, это ненадолго». Я читал с конца каждый сценарий, чтобы сразу знать убийт меня в этой серии или нет. Единственное, о чем я мечтал, — красивая, эффектная смерть.

— Вместо этого крутой вампир оказался бывшим поэтом-неудачником.

— Да, для меня это стало большим ударом! (Смех). Знаете, в детстве я был таким же неуклюжим. Позже, после двадцати, прошел через очень трудный жестокий период, но надеялся, что мне никогда не придется о нем вспоминать. Мне нравилось, что все видят во мне Спайка, мне не хоте-

л подход к актерской игре. Наверное, мы порой заходили слишком далеко. Вначале я ждал, что нас уволят. Если будете пересматривать старые серии с нашим участием, обратите внимание на положение рук Джульетт. К счастью, главное хулиганство всегда оставалось за рамками кадра. Сара — удивительная личность, добрая, щедрая, и прекрасная актриса. Я помню, что во втором сезоне, когда мы с Джульетт не были в основном составе, хотя снимались практически в каждой серии, нам не предлагались персональные стулья, а ждать приходилось подолгу. И Сара первая сказала: «Слушайте, они постоянно работают с нами, выделите им стулья, иначе я уступлю им свой и буду сидеть на полу!». Сара меня восхищает. Она мгновенно входит в роль и мгновенно из нее выходит. Я так не умею, мне нужно подготовиться, сосредоточиться. Она обожала прикалываться по этому поводу: «Ах, я настоящий актер! Ах, я ощущаю себя деревом!» А Эмма — невероятно забав-

Был совершенно опустошен. В последнем сезоне пять-шесть сцен дались мне очень тяжело. Я горжусь ими, но не хотел бы снова в них сниматься.

— Как вы думаете, что ждет вашего героя в сериале «Ангел»?

— Не знаю, но предвкушаю много забавных моментов. Спайк и Ангел не любят друг друга, вряд ли они смогут стать друзьями. Надеюсь, я капитально испорчу ему настроение! На сериале «Ангел» собралась команда замечательных драматургов — Стивен Де Найт, Дэвид Фьюри, Дрю Годдard. Они очень хорошо понимают мужскую натуру, страсть мужчин к жестокости.

— К тому же Спайк убежден, что Баффи любит Ангела.

— Думаю, это правда. Он проявляет настоящее мужество, признав этот факт. В финальном эпизоде нам ясно дали понять, что Баффи любит Ангела, а отношения со Спайком не шли ей на пользу, хотя она научилась его уважать, она любит его как друга. Мне всегда было немного дискомфортно, когда фанаты жаждали сближения Баффи и Спайка, потому что он был монстром. Проблема заключалась в том, что сценаристы заставляли Спайка проделывать всякие гадости, чтобы зрители его разлюбили, а зрители не обращали на это внимания! Это было странно и конфузно.

— Что вы думаете по поводу благодарности, опубликованной вашими фанатами в Variety?

— У меня нет слов. Я очень им признателен, потому что Голливуд это заметил. Мой агент говорил мне, что ему

облегчением. Когда ты исполняешь собственные песни, это страшно вдвойне, потому что тебе некуда спрятаться. Ты предельно раскрываешь свою душу и не знаешь, как примут твои откровения слушатели.

— А актерская игра?

— Игра перед камерой вначале обескураживает театрального актера. В театре актер — как шеф-повар. Режиссер, драматург, осветитель, костюмер подают нужные ингредиенты, а он сводит их воедино. Но на съемочной площадке ты сам становишься одним из ингредиентов, а шеф-поваром оказывается монтажер, сводящий все воедино. С одной стороны, это приятно — тебе приходится меньше выкладываться, другие делают твою работу. С другой стороны, я все-таки предпочитаю выступать перед живой аудиторией, потому что в театре сразу понятно, что у тебя получается. Если слышишь шуршание программки, твое дело плохо. Когда народ сидит тихо, значит, ты хорошо делаешь свое дело. А бывают волшебные мгновения — зрители затаивают дыхание. Это прекрасно. В кино такого не бывает.

— И наконец, режиссура.

— Я руководил двумя театральными компаниями, в Чикаго и Сиэтле. Мы ставили необычные, авангардные вещи. Это работа, которая приносит наибольшее творческое удовольствие и в то же время

матург. Это была захватывающая работа, и я ею очень горжусь.

— Как вы попали на телевидение?

— Создатели сериала «Баффи» решили вместо «монстров недели» разработать «монстров сезона». Таких персонажей можно было прописать глубже, чем односерийных злодеев. Насколько я понял, они долго искали актера, но не нашли ничего подходящего среди тех, кого обычно приглашают, и решили сделать пробы тех, у кого совсем нет телевизионного опыта. Когда я пришел на пробы в первый раз, ассистент попросила меня почитать реплики сначала с южным акцентом, потом с английским. Наверное, в тот момент они сами еще не знали, что им понадобится. Потом вызвали на второй тур, и я пробовался вместе с Джульетт Ландау. Им нужно было знать, возникнет ли между нами алхимия.

— И как, возникла?

— Мгновенно! Джульетт тоже долго работала в театре, и мы поняли друг друга с первого взгляда. Это было инстинктивное доверие к партнеру, готовность идти вместе до конца. И кстати, та самая, наиболее известная фотография, где мы вместе, — с той пробы. Мы закончили диалог, повернулись, взглянули в камеру и поняли, что всем понравилась наша пара. Я невероятно благодарен Джульетт за то, что она с первой минуты была готова пойти до конца. Ей вовсе необязательно было это делать. Она

лось, чтобы люди увидели его обратную сторону. Я говорил Джоссу: «Что ты со мной делаешь? Здесь, на твоей съемочной площадке, можно быть многоликим, но ведь ты меня скоро прикончишь, и мне придется ходить на пробы в голливудские фильмы, где ценят крутость». Только потом я понял, что Джосс был прав, а я неправ. Зрителям очень понравился такой поворот.

— Вы были удивлены, когда Джосс дал Спайку душу?

— Удивлен — не то слово. Я был в шоке. Я ничего не знал до самой последней минуты. Выучил текст для трех вариантов концовки, а они сняли четвертую. Они закончили съемку, скомандовали «Стоп!» и начали собирать аппаратуру, а я сижу, как дурак, и думаю: «Может быть, я услышался?» Знаете, когда я впервые пришел на телевидение, мне казалось, что актерам должны рассказывать, что ждет их персонажей, что они думают, чем руководствуются в своих поступках. Но оказалось — ничего подобного. Получаешь сценарий, а через восемь часов уже начинаются съемки. Это обескураживает, но в то же время освобождает. У тебя нет времени подумать и отрепетировать, тебе приходится полагаться на интуицию.

— Вам пришлось работать с тремя замечательными партнерами — Джульетт Ландау, Сарой Мишель Геллар и Эм-мол Колфилд.

— Джульетт — гениальная актриса, у нас с ней одинаковый

ный человек, сгусток энергии, которая то и дело выплескивается наружу. По убеждениям, она консерватор, а я либерал, между дублями мы спорили о политике, а потом звучала команда «Мотор!», нужно было целоваться, и нам было ужасно смешно.

— В последнем сезоне «Баффи» у вас было много мрачных сцен.

— Начало сезона стало для меня кошмарным. Нужно было сыграть раскаяние за сотни лет преступлений и кровопролития. Мне доводилось играть на сцене роли, которые требовали от актера погружения в бездну отчаяния. На телевидении это еще труднее — на крупных планах требуется абсолютная честность. Мне пришлось вспомнить все случаи, когда я был в чем-то виноват, и накачивать себя чувством вины. После этого я начал всерьез подумывать о том, что театральные методы игры неприемлемы для телевидения. То, чему учат в «Актерской студии», рассчитано на непродолжительный период времени, пока снимается фильм или идут представления пьесы. На телевидении ты играешь роль несколько лет, и если твой персонаж переживает интенсивные чувства, то можно и сгореть. Помните сцену в церкви? Мы сняли ее, а потом Джосс посмотрел, и ему не понравилось освещение, и к тому же он решил немного переписать диалог. Он сказал, что мы снимаем ее заново. Я не знаю, как я смог сыграть во второй раз.

звонили и спрашивали: «Что вы делаете для ваших поклонников?»

— Вы не собираетесь попробовать силы в кино?

— В сентябре буду сниматься в фильме «Итальянская жара» (Italian Heat) по одноименной пьесе. Думаю, название стоит поменять, а то люди подумают, что мы сняли порнуху. Хотя в пьесе много секса. Действие происходит в Италии. В последний год войны двое дезертиров прячутся на ферме, где живет супружеская пара. Один из них начинает ухаживать за женой, другой — за мужем, Я не буду рассказывать, чем это закончилось, скажу только, что в фашистской Италии геес отправляли на виселицу. Я встречался в Лондоне с режиссером Клаудио Макором, он написал эту пьесу и поставил ее на лондонской сцене. Мы поговорили, и я понял, что хочу сниматься.

— Однажды вы сказали, что хотели бы поставить киноверсию «Макбета».

— Да, мне хотелось поставить эту пьесу, сначала в театре, сейчас я подумываю о киноверсии. Но пока моего имени недостаточно, чтобы поднимать такой кинопроект. Я очень хорошо представляю себе, как это должно выглядеть, мне не хотелось бы ничего менять. Так что придется подождать. У меня есть еще лет десять, прежде чем буду слишком стар для этой роли.

Экран и сцена —

James Marsters (actor) (1986). 07.03 (1986)